В.В. БЛАЖЕС
(Екатеринбург)

СОЛДАТСКИЙ ЮМОР

О современном армейском фольклоре в последние годы пишут достаточно часто и почти всегда в одном ключе: «Бестолковые команды, дубовые приказы, идиотские армейские ситуации отразились в языке, породили особую солдатскую субкультуру. Фольклор стал психологической реакцией на абсурдные несправедливости службы в Вооруженных силах... Полурабское положение солдата позволяет ему разрядиться только в устном творчестве,» — читаем у журналистки Е. Коляды[1], опубликовавшей целый ряд статей о солдатском фольклоре. «...Солдатский фольклор создает как бы два мира... — это «гражданка» и армия. И тот и другой условны, это не реалистическое воссоздание действительности, скорее, это утопия и антиутопия. «Гражданка» — мир покоя, веселья и вечного досуга... Армия — мир, нарисованный черной краской: «Служба солдата — как погоны генерала: один зигзаг и ни одного просвета», «жизнь солдата — это борьба: до обеда — с голодом, после обеда — со сном...» — пишет И.Н. Райкова[2].

Солдатский фольклор нельзя «раздергивать», разымать, особенно письменный, бытующий в виде песенников, дембельских блокнотов — достаточно взять один и можно увидеть в нем разные разности. Вот блокнот Евгения В. из Нижнего Тагила, который в 1997—1999 гг. служил на Камчатке[3]. С одной стороны, в нем такие изречения, как *«забудь о бабах и вине, ведь ты попал служить в ПВ»* (пограничные войска), *«кто в жизни счастья не нашел, тот в погран служить пошел»*, *«армия — это дурдом, а учебка — двери в нее»*, *«армия — факел, в котором сгорает твоя молодость»*, *«армия учит всему, даже смеяться сквозь слезы»*, *«пятнистые кепи, наглые лица: отряд погранцов идет похмелиться»* и т.п., а с другой стороны, тот же парень записывает в свой блокнот стихи и афоризмы, которые позволяют видеть в нем сознательного пограничника, понимающего, что такое настоящая служба, преданность родине, честь и достоинство: *«за чистое небо, за счастье людей я отдал границе 730 дней»*, *«граница — это сотни бессонных ночей, это подвиг настоящих парней»*, *«теперь ты воин-пограничник, защитник родины своей и только от тебя зависит спокойство наших матерей»*, *«закон границы: если смерть смотрит в глаза друга, то переведи ее взгляд на себя»* и еще:

В бою кровавом иль хмельном пиру
Меч может потерять и силу,
Но если потеряешь честь свою,
То бойся жизни больше, чем могилы.

Ведь никто не заставлял парня именно эти вещи записывать в свой личный блокнот. Совершенно очевидно, что им двигала внутренняя потребность, желание выразить свои мысли, чувства, настроение.

Конечно, в солдатском репертуаре можно найти что угодно — все зависит от аспекта поиска. Но если это фольклор, то в нем должна быть претворена народная поэтическая традиция. Традиция действительно ощутима. Достаточно типологически соотнести дембельские блокноты с солдатскими песнями прошлых веков, чтобы увидеть те же критические высказывания о ненужности строевых занятий, глупости начальников, чрезмерности армейских требований, худой пище, жестокости командиров и т.п. Одновременно песни доносят до нас образ солдата, преданного родине, храброго и смелого, готового служить честно и отдать жизнь за русский народ. В тех же песнях — думы о родном доме, тоска по семье, по прежней жизни, мечты поскорее вернуться домой и т.п.

Но есть еще одна линия продолжения народной культурной традиции в современном солдатском фольклоре. Когда читаешь солдатские блокноты подряд, невольно вспоминаешь высказывания А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова о склонности к шутке, розыгрышу, острому слову, о веселости как свойствах натуры русского народа. Первые два-три блокнота читаются с интересом к содержанию, затем начинаешь замечать повторяемость и усиливается внимание к ней: наглядно предстают повторы комических песен, эротических тостов, шутливых «словарей», иронических поздравлений и т.п., вырисовывается схожесть сюжетов, жанровые закономерности, система поэтических приемов... И после прочтения полутора-двух десятков блокнотов уже

...В солдатском репертуаре можно найти что угодно — все зависит от аспекта поиска. Но если это фольклор, то в нем должна быть претворена народная поэтическая традиция. Традиция действительно ощутима: достаточно типологически соотнести дембельские блокноты с солдатскими песнями прошлых веков...

убежденно думаешь о своеобычности современной молодежной комики, о ее роли в жизни юношей, надевших военную форму, о ее связи с традицией. Авторы блокнотов, 18—20-летние танкисты, матросы, пограничники, связисты, десантники не только язвят, зло иронизируют, цинично осмеивают, но и по-доброму смеются, балагурят, «понарошке» бахвалятся, шутейски бравируют, «юморят» — для них этот веселый, насмешливый взгляд, по сути дела, жизненный принцип поведения.

Обычно о солдатском юморе говорят слегка иронично, называя его соленым, кирзовым, казарменным... Но это юмор, характерный для временного мужского сообщества, будь то какая-нибудь бригада, артель рабочих или взвод, рота курсантов, солдат, моряков или пограничная застава, экипаж подводной лодки, где юноши, мужчины объединены общим делом и определенный период должны находиться вместе. Помимо производственных или уставных отношений в таких сообществах устанавливается своя неформальная регламентация, внутренняя иерархия, возникают свои этико-психологические критерии, нормы, ценности и т.п. и, в т.ч., идеалы, с позиций которых высмеивается всё или, по крайне мере, многое. Смех солдат не касается, во-первых, матери, отца, сестры, братьев, вообще родственников, родного дома, своей малой родины — это святое, и не может быть насмешливых тонов, когда возникает эта тема; во-вторых, вне зоны смеха находится собственно военная служба. Учения, полевые стрельбы, техническое обеспечение полетов, прыжки с парашютом, ночные дозоры, морские походы, обслуживание сложной техники и многое другое, что составляет суть военной службы, как бы подразумевается и не освещается.

Суть службы, ратные дела заземлены на быт. Армейская служба — это постоянная работа, которая найдет каждого: *«Армия — не Америка, без работы не будешь»*, но в ней много нерационального: *«В армии всё круглое носят, а квадратное катают»*, *«В армии ничего не делаешь, а без дела не сидишь»*. Служба предстает как череда бесконечных, надоевших хозяйственных и бытовых дел: *«Ремень, лопата, лом и веник, плюс семь рублей казенных денег, кровать, подушка и матрац, ну вот и все, что есть у нас»*. По дембельским альбомам судить, так можно подумать, что солдату и матросу не приходится быть на полигоне или в радиорубке, в стрелковом тире или машинном отделении корабля. Нужно все время мыть полы, убирать туалеты — *«Это не рок, это не джаз, это два духа скребут унитаз»*, *«"Дембель неизбежен, как крах капитализма", — сказал дух, вытирая слезы половой тряпкой»*; нужно постоянно приводить в порядок территорию, мести и чистить: *«Завалило снегом плац, весь наш взвод в ударе, старшина сказал: "Убрать!" — и асфальт убрали!»*; нужно проводить какие-то разгрузочные, ремонтные, строительные работы, поэтому *«носилки, веник и лопата — друзья российского солдата»*, *«солдат что трактор: ворчит, но тащит»* или *«на сопках снег, в душе зима, не скоро мне придет пора вернуться в милые края. Ну а пока пришла пора грузить цемент, пилить дрова...»* Произошло как бы превращение службы по защите родины в хозяйственно-строительные занятия, и в них тоже есть элита: *«Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один матрос хреновый заменяет трактор новый»* или *«Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один тамбовский дух заменяет этих двух, кантемировский солдат заменяет весь стройбат»*.

Принимая хозяйственную работу как неизбежность, солдаты с юмором говорят, что не нужно «возникать», «высовываться»: *«Не говори сержанту, что земля круглая, а то заставит ровнять»*; нужно делать *«ходы конем в сторону»*, отлынивать: *«Если не хочешь, чтобы тебя метлой довели до кипения, нужно вовремя испариться»*, и вообще необходимо быть по-настоящему находчивым: *«Почему в армии нет КВН? Потому что все веселые на губе, а находчивые в санчасти»* или *«закон сохранения энергии: делай вид, что работаешь»*.

И конечно, популярная тема солдатского юмора — сон «в любом положении». Хозяйственная работа и сон — это как бы два главных дела, два взаимозаменяемых состояния, хотя сон предпочтительнее: *«Мы работы не боимся, нет работы — спать ложимся, есть работа — тоже спим, без работы не сидим»*. Если в хозяйственной работе время тягостно тянется, то во сне летит. Кстати сказать, временна́я протяженность службы — предмет особого внимания всех солдат и матросов. Оно подсчитывается через месяцы, недели, дни, часы; практически в каждом блокноте можно встретить эти подсчеты, включая минуты *(2 года — 1051200 минут)* и секунды *(6307200)*. Шутливый подсчет идет и по нормам довольствия: *«Масло съел — день прошел, два яйца — прошла неделя, что бы нам такое съесть, чтоб два года пролетело?»* или: *«2 года — 210 яиц, 24 месяца — 21 кг. 900 гр. масла, 104 недели — 46 кг. 450 гр. сахара, 730 дней — море овсянки и перловки»*. Сон представляется некой чуть ли не материальной силой, бесследно поглощающей время службы: *«Солдат спит — служба идет, так пусть солдату дадут больше спать»* или:

Отлично — когда солдат спит,
а служба идет,
Хорошо — когда солдат идет
и служба идет,
Плохо — когда солдат бежит,
а служба идет.

Для солдата с чувством юмора сон — не физиологическая потребность организма, а едва ли не служебное занятие: *«Сон — единственное дело, которым матрос занимается всерьез»* или *«Чтобы дембелю помочь, нужно спать и день и ночь»*, поэтому *«Запомни сам и передай другому: чем больше спишь, тем ближе к дому»*. Для солдата ночь — это возможность во сне побывать дома:

Я ночью дома, утром — тут,
Крик, рев дневального зовут
На физзарядку, на подъем,
Аж крыша ходит ходуном,
Но вот команда на отбой,
И мне опять пора домой.

По всем армейским тетрадям кочуют афоризмы, превозносящие сон как лучшее благо, как прекрасное состояние, как божье создание: *«Бог создал отбой и тишину, черт — подъем и старшину»*, *«Сон десантника прекрасен, как ноги стюардессы, и короток, как ее юбка»*. У сна живоносная сила, ибо от *«сна еще никто не умирал»*, а *«здоровый сон десантника — еще один удар по Пентагону»*. Дурачась, солдаты даже сочиняют колыбельные песни. В одной из них пародируется колыбельная «Спят усталые игрушки», не сходящая с телеэкрана десятки лет: *«Спят усталые сержанты, духи спят, одеяла и подушки ждут солдат, даже прапор спать ложится, чтобы ночью нам присниться, койки расправляй, баю-бай»*. И далее говорится, что ночью можно покататься на БМП, с генералом подружиться и в санчасти полечиться... А в другой колыбельной — пожелание увидеть самое приятное во сне:

Спи, солдат, спокойной ночи,
Дембель стал на день короче.
Пусть приснится дом у речки,
Баба голая на печке,
Ящик водки, пива таз
И о дембеле приказ.

Изображение военной службы в солдатской комике через хозяйственно-бытовые дела, через сон, лень, отлынивание и т.п. кажется неожиданным только на первый взгляд, на самом же деле является фольклорной традицией, сложившейся еще во времена активного бытования былевого эпоса. В юмористических эпических песнях, которые принято называть скоморошинами, пародиями, все героическое, начиная от богатыря, его вооружения и кончая битвой, насмешливо переведено в бытовой план. Если в былинах «дородный добрый молодец» находится в ореоле славы и уважения, то в пародиях он корыто принимает за большую реку, ездит на чужих дровнях, отбирает у ребятишек хлебные корки... Даже Илья Муромец сражается с обыкновенным зайцем: *«наехал на врага на заеця да выстрелили да триста три стрелы»*[4]. В классической пародии «Агафонушка» из Сборника Кирши Данилова былинное *«широкое раздолье»* — это перед печью шесток, *«чистое поле — по подлавечью, а и синее море — в лохани вода»*, богатырская битва — это драка женщин, цель: *«о том пироге, о яшном мучнике»*, оружие: *«востры сабли — кокошники, а и тяжкия палицы — шемшуры»*, итог битвы: *«убили курицу пропащую»*; *«сильной — могуч богатырь»* Агафонушка одет в шубу *«из свиных хвостов»*, у трех других *«могучих богатырей»* или *«блинами голова испроломана»*, или *«соломой ноги изломаны»*. Нет необходимости умножать примеры и углубляться в функции, специфику эпического пародирования, важно отметить сам факт изображения в *смеховом* аспекте былинного героя и его военных деяний через бытовую обыденность. В творчестве нынешних солдат, конечно, «сработала» коллективная память, народная традиция.

В солдатских блокнотах часто мелькает фраза: *«Слов на свете лучше нет: перекур, отбой, обед»*, перекликающаяся с афоризмом: *«Настоящий солдат имеет зверский аппетит и спит в любом положении»*. Вволю поспать и плотно поесть — постоянная дума солдата, если судить по записям, и она комически обыгрывается в довольно широком жанровом диапазоне: от «жалобы» *«Кто не был в учебке, тому не понять, как хочется кушать, как хочется спать»* до пародийного лозунга *«Выспавшийся пограничник, вооруженный ложкой, непобедим!»* Сон и еда могут быть даже критерием казарменной иерархии: «*Если ты проспал обед, значит, ты, конечно, дед»*. Шутят насчет плохой, невкусной еды:

«Бессмертный я», — сказал Кощей,
Но зря он похвалился:
Хлебнул Кощей солдатских щей
И замертво свалился.

Но чаще всего эта тема предстает как тема однообразной еды. В солдатских байках постоянно фигурирует перловка, овсянка, «суп из круп», надоевшие рожки... *«За два года солдат съедает столько овса, что ему стыдно смотреть в глаза лошади»* — эту запись можно встретить во многих

блокнотах, как и выразительное четверостишие:

Как живу? Живу, как в сказке,
Нет ни мяса, ни колбаски,
Яйца вижу только в бане
Между ног у друга Сани.

С темой сна иногда соседствует тема вина, опьянения, но чаще она развивается самостоятельно, в частности, в афоризмах: *«Водка-враг, а солдат врага не боится», «Матросы пьют не ради пьянства, а ради сплочения коллектива», «Самое страшное в мире оружие — русский танк с пьяным экипажем»*. Опьянение *эстетизируется* и предстает как благо, которого лишен солдат. Ощутимо нарочитое бахвальство и комически преувеличенная потребность употребления спиртного: *«Если б море было водкой, я бы стал подводной лодкой», «Верблюд может неделю работать и не пить, моряк может неделю пить и не работать», «Водку холодную я уважаю, теплую водку я тоже люблю»* или тост, выражающий логику пьяного:

Кто много пьет, тот много спит,
Кто много спит, тот не вредит,
Кто не вредит, тот чист душой,
Отсюда вывод: пей, родной!

В юмористической тональности проводится мысль, что много пить — дело настоящего мужчины, будь он моряк, танкист, пограничник; что пить надо везде: в самоволке, казарме, *«на этом свете и на том»*.

Можно написать отдельную статью о письменных армейских тостах — именно письменных, ибо попытки записать их от демобилизованных солдат приносят весьма скромные результаты. А в письменной форме они широко бытуют и достаточно колоритны, афористичны, иногда остроумны. *«Я пью за тех, кто на борту, а кто за бортом, сам напьется», «Пьем за тех, кто в сапогах, а кто в кроссовках, сам нальется», «Не плачь, матрос, взойдет она, на водку прежняя цена»* — это лишь некоторые фрагменты тостов. Естественно, что молодые мужчины обязательно включают в тосты эротические мотивы: *«Солнце раздевает девушку до купальника. Так выпьем за глаза десантника, которые горят ярче солнца!»* Еще пример: *«После кораблекрушения на остров попали голые мужчина и женщина. Женщина прикрылась шалью, а мужчина шляпой. Долго они смотрели друг на друга. Когда женщина скинула шаль, а мужчина убрал руку, то шляпа осталась на месте. Так выпьем за ту магическую силу, которая держала шляпу»*. Иногда в тостах рисуется предстоящее «на гражданке» возлияние в женской компании: *«Ты верь, солдат, наступит ДМБ: не будет лычек и погон, и где-нибудь в общаге женской хлестать мы будем самогон»*.

В русском комическом фольклоре есть масса произведений, высмеивающих соседей или людей другой профессии, иной социальной группы. «Кто жил в деревне, тот знает, что даже жители двух соседних деревень изощряются в своем остроумии насчет друг друга... Подобное отношение к своим соседям породило целую литературу народных рассказов...»[5]. Ироническая похвала встречается даже в комических запевах былин и концовках или веселых конечных припевах, как их называл В.Ф. Миллер, — в них дается двойственная оценка: сказитель может одновременно хвалить «толстобрюхих» бабенок-пошозерочек и «церковное строение в каменной Москве», «колокольный звон» в Новгороде и «дешевы поцелуи в Белозерской стороне»[6]. Эта многовековая традиция незлобивой насмешки, дружеского подтрунивания, очень характерная для русской народной культуры, продолжается в письменном фольклоре современных солдат. Они стремятся смешно сказать о других, прибегая даже к «слишком» экспрессивной лексике: *«Маскхалат и в ж... ветка — это движется разведка», «Кто еб... в дождь и грязь? Наша доблестная связь», «Кто счастья в жизни не нашел, танкистом в армию пошел», «Кто летит быстрее мухи — это доблестные духи», «Обходи трамвай спереди, автобус сзади, а матроса стороной»*. Ироническая хвала может переходить в самопохвалу, и здесь тематический диапазон не имеет ограничений: от превознесения своего рода войск (*«Пограничные войска — это щит нашей родины, а остальные войска — шурупы, вкрученные в этот щит»*) до восхваления мужской потенции пехотинца, радиста, авиатора и т.п. (*«Девушки! Лучше попасть под танк, чем под матроса»*). Все действуют по известной пословице: *«Сам себя не похвалишь — как оплеванный стоишь»*, поэтому пограничники, танкисты гиперболизируют свою агрессию, силу: *«Тигр набросился на погранца — страшнее для тигра не видел конца», «Не пыли, пехота, не стучи радист, если под березой пьяный спит танкист», «Не плюй в сторону танкиста, а то придется челюсть выплюнуть»*; матросы вообще готовы себя противопоставить всем, кто носит сапоги, а не ботинки: *«Запомни, сапог! Никогда не переходи дорогу матросу, тогда сохранишь не только красоту и здоровье, но и способность передвигаться», «Как не сравнишь морские брызги с пылью, так не сравнишь солдата с моряком»*. А те, кто носит сапоги, парируют: *«Лучше два года бегать в сапогах и кричать "Ура!", чем три года*

бегать в ботинках и кричать "Полундра!"». Артиллеристы считают себя умнее всех: *«Умные служат в артиллерии, дураки — в пехоте, пьяницы — во флоте»*, десантники комически преувеличивают характерную для них физическую крепость, внезапность действий, умение ориентироваться в сложных обстоятельствах: *«Десантник не найдет выхода только из могилы»*, *«Десантник — не Минздрав, предупреждать не будет»*, *«Десантник бежит сколько может, а потом сколько нужно»*, *«Если у десантника не хватит сил, чтобы победить, то их хватит, чтобы не покориться»*, *«Дай десантнику свободу, а остальное он возьмет сам»*. Скромность и сдержанность — удел, скорее, стариков, но не юношей, открытых действию и поступку, полных здоровья и энергии, желающих любви, и в их байках проглядывает хвастовство, некоторое самодовольство, однако сознательная преувеличенность подается в юмористической форме, и возникающий комизм превращает все в шутку, в которой есть лишь доля правды.

В солдатских блокнотах достаточно много орфографических и пунктуационных ошибок и, тем не менее, можно говорить, что свой родной язык солдаты знают хорошо, ибо чувствуют основные языковые нормы, иронически воспринимают их нарушение, осмеивают тех, кто допускает речевые ляпы, и имеют склонность к языковой игре, как и все русские. Отметим, что в русском фольклоре положительные герои былин, сказок, песен всегда обладают не только внешней привлекательностью, силой, добротой и т.п., но и знанием родного языка, умением общаться. Они русские прежде всего потому, что хорошо освоили родной язык. Они являются своеобразным идеалом, с позиции которого высмеиваются тугодумы, косноязычные простаки. Существуют десятки сюжетов (если учесть варианты, то это несколько сотен) сказок и анекдотов, в которых высмеиваются люди, имеющие бедный лексикон, не понимающие многозначности слов, не способные оценить речевой контекст и т.п., а оставляющий их в дураках герой легко ориентируется в семантике, без труда создает окказионализмы, использует синонимы, омонимы, подбирает рифмы и т.п. Причем высмеиваются люди всех сословий и возрастов, даже старики. С народной точки зрения плохое знание родного языка — это как бы отдаление от национального духовного единства, от национальной культуры, и своей критикой, выраженной в сказках и анекдотах, народ способствует тому, чтобы не происходило этого отдаления.

Солдаты, весело реагирующие на речевые ошибки сержантов, прапорщиков, офицеров, конечно, находятся в рамках национальной культурной традиции. Они замечают отклонения от языкового стандарта у командиров в повседневном общении и фиксируют их высказывания на правах жанра в своих блокнотах. Например, в высказываниях возникает комизм, когда слово употребляется как предмет, не будучи таковым: *«Почему у вас в тумбочке бардак валяется?»*; в поговорке, фразеологизме происходит ошибочная замена слова или ненужное добавление: *«Это вам чревато боком»*, *«Что вы спите, стоя на ходу?»*, *«Не тяните резину в долгий ящик»*; не различается контекстный смысл слов (например, «помойка — помывка»): *«Рота! На помойку в баню становись!»*; вводятся сравнения, противоречащие здравой логике: *«Что вы матом ругаетесь? Как маленькие дети!»*; искажается согласование и смысловое употребление глаголов: *«Здесь вам не гражданка: здесь вам быстро отвыкнут водку пьянствовать»*. Интересно, что одни и те же ошибочные высказывания записаны в блокнотах, составленных в разных местах и в разное время, очевидно, они стали устоявшимися словесными шутками и бытуют на потеху солдат. В частности, наш материал примерно на одну треть совпадает с текстами, опубликованными И.Н. Райковой[7]. Высказывания действительно колоритны: *«Сегодня копаем от забора до ужина!»*, *«Эй, вы, трое! Оба ко мне!»*, *«Возьмите устав и перепишите наизусть»*, *«Если вы хотите что-то сказать, стойте и молчите!»*, *«Молчать! Я вас спрашиваю!»*, *«Вам бы все булочки, девочки и сметана»*, *«Не умерли в пеленках, не умрете и в портянках»*, *«По команде "отбой" наступает темное время суток»* и т.п.

В ряду смешных высказываний, содержащих речевые погрешности, можно назвать бытующие стихотворения, в которых речевые ошибки используются в качестве поэтического приема. Стихотворения строятся как рассказ нерусского солдата о своей службе; комический потенциал кроется в сознательном несогласовании рода, числа, падежа существительных с глаголами, прилагательными и другими частями речи. Не надо думать, что стихи направлены против кого-то из нерусских солдат, нет, просто русские солдаты используют форму речи как источник эстетического. Иными словами, они занимаются языковой игрой, т.е. идут на условное нарушение правил функционирования языка в речи с целью достижения юмористического эффекта[8]. Вот лишь один пример:

Моя в армия призвал,
Волосы подрезал,
Красный куртка отобрал,

Дал какой-то серый.
Сапоги хороший дал,
На ремень железка,
Черный хлеб моя давал,
Говорил: полезно и т.п.

Подобный прием — не придумка солдата. В прошлом веке такие песни бытовали в мужской среде, например, в артелях сплавщиков, где вместе с русскими работали чуваши, татары, башкиры:

Сакмарик — река болина быстра,
Тащить бревна болина толста.
Ах, беревнышко, беревнышко!
Ты скажи моей отца-матерям...

Далее шла просьба, чтобы «беревнышко», плывущее вниз по реке, рассказало о том, как герой работает и скучает по дому[9]. Языковая игра очень широко используется в русском фольклоре: в народном театре, во всех речевых жанрах ярмарочно-торгового комплекса, в загадках, скороговорках, этнических эпитетах, коллективных прозвищах, анекдотах и т.д. И современный солдатский фольклор продолжает эту традицию. Например, солдаты создают афоризмы с использованием приемов языковой игры: *«Курить я не брошу, но пить буду»*, *«Два татара, три шеренги становись!»*, *«Говорят, что солдат служит, нет, служит собака, а солдат отдает долг родине»*.

Отметим еще жанр комических словарей, состоящий из основных армейских понятий, объясняемых, например, через названия популярных кинофильмов или литературных произведений: вызов к комбату — *иду на грозу*; гауптвахта — *как закалялась сталь* (или: *укрощение строптивых*); зарядка — *казнь на рассвете*; добавка — *зигзаг удачи*; дневальный свободной смены — *ко мне, Мухтар!*; каптерка — *остров сокровищ*; курилка — *место встречи изменить нельзя*; марш-бросок в противогазах — *никто не хотел умирать*; развод — *тени исчезают в полдень*; утренний осмотр — *следствие ведут знатоки*; хлеборез — *бриллиантовая рука*. Иногда кратко цитируются известные песни: баня — *каким ты был, таким остался*; бег в противогазах — *земля в иллюминаторе*; гражданка — *как прекрасен этот мир*; отбой — *я люблю тебя, жизнь*; тревога — *играют мальчики в войну*. Могут также привлекаться афоризмы, крылатые слова, поговорки, имена известных людей (дежурный по части — *Иван Грозный*), литературных персонажей (*Алибаба, собака Баскервилей*) и т.п. Как исключение следует отметить высказывания, видимо, кого-то из вышестоящих: баня — *воду видел, значит, помылся*; занятия — *дубами были, дубами и остались*. Таким образом, в словарях используется один из приемов языковой игры: характеристика предмета, человека, явления, факта посредством цитирования известного всем текста. По приведенным примерам, количество которых можно легко увеличить, видно, что комический словарь — всегда столкновение двух смыслов, соотнесение армейской повседневности с национальным литературно-культурным фоном и чем неожиданнее сближение, чем внезапнее предложенная «корреляция», тем сильнее юмористический эффект, тем отчетливее выражено отношение солдата к тому, что его окружает, и его оценка. Несмотря на то, что отношение к фактам может быть иронично-злым или добродушно-улыбчивым, вся военная будничность оказывается эстетически освоенной и, в конечном итоге, весело воспринимаемой.

На страницах солдатских блокнотов встречаются расшифровки слов, которые обычно называют *акронимами*. Все толковые словари определяют акроним как инициальный тип сложносокращенных слов. У солдат акронимы включаются как обычные аббревиатуры в песни, стихи, афоризмы (ВВС, ПВ, АКШ), и не каждый «посторонний» читатель сразу догадается, о чем идет речь: *«Камуфляж промок от пота, не равняйте нас с пехотой, не шурупы, не ВВ, мы ребята из ПВ»*.

Но есть три случая, когда акронимы приобретают игровую сущность. Первый — обычная аббревиатура «расшифровывается» комически:

Физическое
Истребление
Здорового
Организма

Второй — соотносятся две аббревиатуры:

ВВС *— военно-воздушные силы.*
ПВО *— сами не летают и другим не дают.*

Читатель после ВВС ожидает такой же расшифровки ПВО, но она заменена «крылатым» афоризмом. Обе аббревиатуры сопоставлены по закону композиционного контраста, возникает новый смысл вместе с комическим потенциалом. Очевидно, можно сказать, что перед нами не обычный акроним, а игровой акроним, который является уже фактом не языка, а фольклора. Третий вид игрового акронима более распространен. Солдаты, понимая принцип языковой аббревиатуры, обыгрывают его: берется не сложносокращенное, а обычное слово и «расшифровывается» как акроним, иногда в серьезном, чаще в смеховом плане:

Колоссальная	*Самым*	*Солдат,*
Универсальная	*Лучшим*	*Любящий*
Рабочая	*Уроком*	*Охеренную*
Сила	*Жизни*	*Нагрузку*
Абсолютно	*Была*	
Нежелающая	*Армия*	
Трудиться		

Игровые акронимы рассчитаны на письменную речь, на зрительное восприятие и являются жанром письменного фольклора, в основе которого лежит один из приемов языковой игры.

Традиционными являются пародийные приказы или указы, которые часто помещаются в самом начале блокнота и как бы выполняют функцию самопредставления хозяина: сообщается фамилия, имя солдата, время призыва в армию, иногда место службы с номером воинской части: *«Приказ от 30 мая 1995 года. По велению Государя императора и решения Палаты всея Руси о надобности защиты Земли Русской от набегов вражьей черни забрать в солдаты Михаила сына Васильева, принять его в дружину ратную. Представить его оку ясному императора побритым наголо, следовать пешим в поместье Чебаркульское, стольный город Чебаркуль, в палаты белокаменные в/ч* (указан номер воинской части. — *В.Б.*). *Воевода всея Руси Павел Грачев».* Иногда «воевода» пересказывает текст государева указа о призыве в армию: *«Я, воевода всея Руси, маршал Сергеев, смею донести до ушей всего честного люда указ великого Государя-батюшки...»* Очевидно, можно говорить об актуализации традиции шутейных царских указов, а также смеховых указов, звучавших во время шумных и веселых масленичных гуляний. Образность, стилистика, ритм шутейных указов прошлых времен не очень точно, но все-таки выдержаны в солдатских текстах и привносят комизм, который усиливается контрастом «седой старины» и современных реалий.

Актуализируется также жанр молитвы. Показателен факт: солдаты иногда переписывают настоящую молитву «Отче наш», правда, с большим количеством ошибок. Пародийным молитвам уделяется гораздо больше внимания. Как правило, они содержат перечисление обычных тягот: солдат просит избавить его от раннего подъема, от зарядки, строевых занятий, «тяжелой работы» (без уточнений), от ночных тревог, а завершается все обычными мотивами сна, вина, секса, дембеля:

Дай мне, Боже, бабу помоложе,
Водки кружку
Да пуховую подушку,
Да сохрани до дембеля.

Иногда Пресвятой Матерью называется демобилизация — именно к ней обращена молитва солдата. Попутно отметим, что «пресвятые» родители могут фигурировать в пародийных лозунгах, например: *«Да здравствует пресвятой отец — Отпуск и пресвятая мать — Демобилизация!»*.

К числу давних, даже древних, относится тема осмеяния своей жены. И хотя среди нынешних солдат и матросов женаты единицы, их эта тема занимает и разрабатывают они ее в традициях народной комики, хотя и с некоторым переосмыслением. Если в традиционной комике жена мыслилась как вторая половина смеющегося балагура и он, высмеивая свою жену, фактически смеялся над собой, то в современных шутках солдат о жене нет никакой направленности смеха на себя, ибо они высмеивают жену вообще и женщину вообще. В первом случае это, например, «Устав жены», в котором приказным тоном и с соблюдением как бы уставных позиций перечисляются ее права и обязанности, причем упор сделан на последних с акцентированием мотива вина: жена должна следить за кладовой для хранения хмельных напитков, по первому требованию выставлять вино для мужа и его друзей, если муж заявился домой пьяным, спокойно раздеть и уложить спать и т.п. — здесь нет открытого смеха, скорее, скрытая насмешка, легкая ирония над женщиной, которая обязана быть кроткой, «знать свой шесток». Во втором случае женщина высмеивается посредством старого приема, восходящего к алогичным рецептам демократической сатиры XVII в. Дается «рецепт женской души» в форме «открытой лжи» или «лепой нелепицы»: полпуда правды, пуд нахальства, три грамма верности, пуд зла, коварства десять килограммов и т.п. — затем сложить все это вместе, добавить дури два ведра, поставить все в холодном месте, и вот вам женская душа.

Показательно, что осмеивая армейскую повседневность, солдаты не исключают себя из «зоны» осмеяния. Даже позорная дедовщина самоиронично осмысляется как данность казарменной иерархии, через которую проходит каждый. *«В армии нет "не могу", "не хочу" — дедушка скажет, и я полечу»* — это участь самых молодых. И тот же солдат записывает: *«Четыре периода службы: первый — приказано выжить, второй — без вины виноватый, третий — веселые ребята, четвертый — деловые люди»* или *«Полгода нас гоняют, полгода мы живем, полгода мы гоняем, полгода дембель ждем»*.

Несколько слов о нецензурных выражениях, встречающихся в блокнотах. Солдаты фиксируют афоризмы, констатирую-

щие наличие и даже необходимость нецензурных слов в армейском обиходе, например: *«армия без мата, что солдат без автомата»*. Андрей Ч. на первой странице своего блокнота просит прощения за употребление бранных слов: *«А если этот блокнот попадет в руки девушки, то пусть простит за грубость»*. Учитывая высказывания солдат, можно «суммировать» их мнение: для мужчин нет табуированной лексики, брань правомерна в их среде, а при женщинах ее употребление неприлично. Набор нецензурных слов достаточно скромный — это обозначение совокупления и гениталий, но функционируют многочисленные производные с самым неожиданным значением: ударить, набить, избить, хлестнуть, постоянно требовать, украсть, придираться, формально решить вопрос, отбыть наказание на гауптвахте и т.п. Кстати сказать, в блокнотах нет основного русского ругательства, связанного со словом «мать». Главная функция нецензурной лексики в солдатском фольклоре — выражение эмоциональности, экспрессивности. Встретилось лишь несколько стихотворений, в которых бранные выражения специально подбираются и рифмуются; в одном стихотворении дается описание любовного свидания с соитием. Но в целом солдатские блокноты абсолютно несопоставимы, предположим, с «Заветными сказками» А.Н. Афанасьева, в которых сексуальные игры, фаллические мотивы являются предметом изображения.

Можно продолжать анализ, привлекая другой материал, но можно ограничиться уже рассмотренными примерами и высказать несколько обобщающих соображений.

Попав в армию, солдат оказывается в условиях строгих приказов, жестких уставных правил, требующих подчинения и отказа от некоторых сложившихся привычек, поведенческих стереотипов, наклонностей. Начинается сложный процесс принятия-непринятия личностью армейских требований, который продолжается в течение всего срока службы, и солдатский фольклор отражает этот процесс. С одной стороны, в блокнотах фольклорные, литературные, авторские стихи, песни и другие тексты, свидетельствующие, что личность приняла, усвоила, сделала своими жизненными установками те идеалы и идеи, которые необходимо иметь каждому сознательному воину; но могут быть и личности, которые эти идеи или не полностью освоили, или напрочь отвергли. Сколько одних, других и третьих, по фольклорным блокнотам точно не скажешь. С другой стороны, блокноты отражают не столько личностный, сколько коллективный критицизм солдат. Он проявляется, как правило, в комической ипостаси в форме самых разных жанров коллективного письменного творчества.

Армейский уклад выступает перед молодыми людьми как устойчиво-неизменный, «канонизированный», «дубовый». Но человек всегда все воспринимает аналитически: хотя бы интуитивно, он понимает противоречивость любого факта реальности и через комическое стремится обнаружить двойственность того, что выдает себя за раз и навсегда данное, установившееся. Комбат, солдат, старшина — серьезно, пресно, обыденно, ничего смешного; но если в «словаре» написать: «Комбат — *Иван Грозный*, солдат — *человек без паспорта*, старшина — *волк на псарне*», — уже смешно, потому что вещи, соотнесенные между собой, обнаруживают свою двойственность: конечно, комбат — не Иван Грозный, но что-то в нем и от этого царя есть, например, вспыльчивость (хотя бы на короткое время комбат — и тот и не тот)... Возник новый жанровый поворот, новый угол зрения, запечатленная оценка, а главное — смешно. И это основной механизм смехового анализа, которому солдаты подвергают весь армейский уклад.

Они ничего не выдумывают, предмет смеха — окружающая их повседневность. А коллективная память «подбрасывает» из традиционного народного поэтического арсенала проверенные на смеховую реакцию способы изображения, приемы, средства, мотивы — выбор широкий. И солдаты свободно обращаются к этому арсеналу, творчески соотнося его с современностью. Поэтому военная служба изображается у них как в пародийном эпосе, если иметь в виду сам принцип комической заземленности на быт: она предстает в ее смеховой двойственности — хозяйственно-бытовой работе с акцентом на сон, лень, на отлынивание, ничегонеделание. В духе народной комики разрабатывается тема вина, пьяной бравады, но в отличие от традиции здесь часто присутствует сослагательность или будущность («вот вернемся на гражданку...»). Вполне естественно и в духе народной традиции наличие в поэзии солдат эротических мотивов и нецензурной лексики, которая используется для выражения экспрессивности. Не порывают с традицией, но все-таки ближе к реальности по своей конкретике шутки о солдатской еде. И как раньше «деревня смеялась над деревней», так и сегодня солдаты одного рода войск иронизируют над соседями — это форма игрового поведения жива, как и традиции языковой игры. С одной стороны,

правильное речевое поведение мыслится солдатами как обязательная черта идеального командира, поэтому они высмеивают тех, кто нарушает нормы родного языка, а с другой стороны, они сознательно идут на нарушение правил функционирования языка в речи, чтобы добиться комического эффекта в стихах и словесных шутках. Солдаты склонны также к осмеянию в пародийных молитвах, указах других фактов армейского быта.

Смех дает возможность весело «разоблачать» и весело воспринимать суровые будни, юмористический настрой оказывается жизненно необходимым, помогает жить в буквальном смысле этого слова, поэтому в солдатской среде культивируется юмор как эмоциональный способ образного освоения армейской жизни. Иными словами, у солдат не просто склонность к улыбчивой шутке или злой иронии, но мажорность восприятия реальности, оптимистическое отношение к тяжелой, иногда тягостной армейской службе, в конечном итоге, весело-насмешливая норма поведения. Без преувеличения можно констатировать органическое претворение русской народной традиции и в принципе жизненного поведения современных солдат, и в их фольклоре.

Примечания

[1] *Елена Коляда.* Запомните, девчата, если бы не было российского солдата, вас бы ласкали ребята из НАТО // Комсомольская правда. 1997. 28 ноября. — С.6.

[2] *Райкова И.Н.* Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура. Сборник научных трудов и материалов. М., 1995. — С. 79—80 (выделено мною. — *В.Б.*).

[3] Статья написана на материале примерно двадцати блокнотов солдат, служивших в последнее десятилетие в разных родах войск от Урала до Поморья, Камчатки. Блокноты собраны в основном студентами, проходившими фольклорную практику, и хранятся в архиве кафедры русской литературы и фольклора Уральского гос. ун-та.

[4] Онежские былины. Подбор и научная редакция текстов Ю.М. Соколова. М., 1948. — С. 851.

[5] *Савченко С.В.* Русская народная сказка: история собирания и изучения. Киев, 1914. — С. 39.

[6] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т.I. М-Л., 1949. — С. 554.

[7] *Райкова И.Н.* Указ. работа. — С. 93—94.

[8] *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Жест. М., 1983. — С. 180.

[9] *Пономарев С.* Что поет о себе Приуралье? // Северный вестник. 1887. № 12. — С. 75—76.

НЕКОТОРЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ФОЛЬКЛОРИСТОВ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1995—1999)

1995

Блажес В.В. Речь и речевое поведение как предмет осмеяния в русских народных сказках и анекдотах // Русская сказка: Межвуз. сб. науч. тр. — Ишим, 1995. — С. 34—41.

Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета. 1994. — Екатеринбург, 1995.

Из содерж.: *Блажес В.В.* Комический фольклор в уральских рукописных сборниках XIX века. — С. 47—56; *Липатов В.А.* Фольклорная экспедиция 1994 г. — С. 132—133.

Из истории уральского золота: К 250-летию открытия золота на Урале и основания города Березовского. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995.

Из содерж.: *Соболева Л.С.* Горнозаводской «Домострой» В.Н. Татищева. — С. 6—14; *Блажес В.В.* Труд и быт березовских старателей по народным преданиям. — С. 80—90; *Приказчикова Е.Е.* Мифологема золота в мировой культурной традиции. — С. 90—92; *Жердев Д.В.* Символика золота в сказах П.П. Бажова. — С. 92—94; *Шахова Л.Н.* К проблеме изучения мифологических корней фольклорной прозы Урала. — С. 94—96; *Якупцева Т.Н.* Некоторые особенности уральского менталитета (по материалам березовских частушек). — С. 96—102.

Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тез. докл. — Челябинск: Челяб. гос.ун-т, 1995. — Ч. III: Фольклор и этнография народов России.

Из содерж.: *Блажес В.В.* Некоторые черты духовного облика Кирши Данилова. — С. 81—85; *Якупцева Т.Н.* Отражение нового российского менталитета в уральской фольклорной песне конца XIX — начала XX вв. — С. 100—101.

1996

Дергачевские чтения — 96. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 23—24 мая 1996 г. — Екатеринбург: УрГУ, 1996.

Из содерж.: *Блажес В.В.* Фольклоризм «Сказания о происхождении Ермака». — С. 16—18; *Жердев Д.В.* Сказы Бажова как сверхтекст. — С. 27—29; *Липатов В.А.* Принципы формирования народного песенного репертуара. — С. 53—56; *Соболева Л.С.* Рукописная словесность Урала: проблема региональности. — С. 93—97; *Шахова Л.Н.* Солнечная символика в сказах П.Бажова. — С. 116—117; *Якупцева Т.Н.* Дом и семья в осмыслении уральского песенного фольклора. — С. 119—121.